

В. А. Гордлевскій.

Гаданія татарокъ о женихѣ.

(Изъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Уфѣ).

Мой учитель татарскаго языка (въ Уфѣ), Губайдулла Усмановъ, преподавалъ въ Женской учительской семинаріи. Учтя это, я предложилъ ему однажды (въ концѣ 1917 г.) задать ученицамъ домашнюю работу на тему «гаданія о женихѣ». Значительное большинство ученицъ семинаріи только во время занятій живетъ въ Уфѣ; были тамъ и изъ глухихъ за-коулковъ Уфимской губерніи, и издалека (изъ Вятской, Тамбовской губерній). Анкета, впрочемъ, была не особенно удачна: стѣснялись ли дѣвушки отвѣчать на вопросъ, который затрагивалъ завѣтныя ихъ думы, или не привыкли еще, какъ слѣдуетъ, высказываться письменно, — не знаю. Вѣроятно, было то и другое. Возрастъ ученицъ въ классѣ колебался: между дѣвицами (сформировавшимися), лѣтъ 19-ти, сидѣли маленькія пухленькія дѣвочки, лѣтъ 12-ти; онѣ, конечно, воспринимали игры иначе; кое-кто, описывая деревенскія гаданія, вносилъ субъективный элементъ, личныя переживанія и ощущенія. Просмотрѣнныя мною тетради обнаруживали (иногда) зависимость записей одна отъ другой: ученицы, чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго или труднаго урока, заглядывали къ подругамъ въ тетради и частью списывали, частью искали тамъ указаній, вспоминая аналогичныя игры. Богатство картины, какъ будто, исчезло, затушевалась и пестрота національнаго происхожденія — наряду съ татарками въ семинаріи были и башкирки, и мещерки, но всѣ онѣ, видно, поддались культурному татарскому вліянію и денационализировались.

Кое-какія черты до-мусульманскаго быта на гаданіяхъ, быть можетъ, и сохранились (сознаніе, что для успѣха гаданія необходимо, такъ сказать,

отречься отъ мусульманства); но общій колоритъ говоритъ уже о распаденіи старой культуры. Такъ, напр., гаданіе по огню (по пламени) или по костямъ животныхъ (по бараньей лопаткѣ — жженой) издавна распространено и между турками (и отмѣченное старыми путешественниками), — татарами забыто. Процессъ утраты старыхъ обычаевъ, — отголосковъ кочевой жизни, идетъ со времени утвержденія среди турокъ ислама; Тимуръ уже предпочитаетъ гадать по Корану. Однако и исламъ (какъ и всякая другая религія) долженъ былъ пойти на уступки народнымъ вѣрованіямъ, облекая иногда только въ новую форму старыя, близкія сердцу, гаданія (напр., «истихаре» — гаданіе по сну; впрочемъ, эротическія гаданія благочестивая мусульманская мысль кашгарца Мухаммеда Садыка, автора «Хорошаго тона на Востокѣ», приписываетъ навожденію и шайтану).

Здѣсь, въ Европейской Россіи, татары испытали воздѣйствіе культуръ, славянской и финской, которыя затерли то, что наблюдается еще в Азіи у сородичей ихъ — у кыргызовъ, якутовъ и др. Бѣглый обзоръ гаданій вскрываетъ глубокое вліяніе, оказанное сосѣдствомъ съ русскими; гаданія часто совпадаютъ съ записями у русскаго населенія (параллели, и обширныя, легко могли бы быть подобраны). Мечты дѣвушки, «не придетъ ли онъ, ненаглядный мой, напоить коня студеной водой»; курица; овца; зеркало; подслушиванье, и т. д. и т. д., — все это хорошо знакомо и татарамъ. Дѣвичьи гаданія — группа, возникшая сравнительно поздно — должна отражать новый бытъ на русско-европейской равнинѣ, въ новыхъ условіяхъ, — условіяхъ осѣдлой жизни; эти гаданія бросаются сразу въ глаза и отчасти уже зарегистрированы (у крещеныхъ татаръ — С. Матвѣевымъ, Р. Даулеемъ¹).

Но, конечно, объяснять сходство, какъ это ни заманчиво, однимъ заимствованіемъ — было бы неосторожно: общность гаданій, до мелочей, вытекаетъ часто изъ единства міросозерпанія человѣка, одинаковыми путями ищущаго отвѣта на волнующіе жизненные вопросы.

Въ деревенской татарской средѣ положеніе дѣвушки незавидное². Между тѣмъ какъ мужчина — вольная птица, дѣвушка связана, судьбу свою сама она устроить не можетъ, все зависитъ отъ того, за кого она выйдетъ замужъ, или точнѣе: за кого выдадутъ ее родители, а родители разсуждаютъ такъ, что исключается мысль о бракѣ по любви: «если кто вышелъ замужъ по любви, думаютъ родители, будетъ несчастливъ». Но дѣвичье сердце далеко отъ сухихъ умозрѣній, не по указкѣ родителей течетъ все же жизнь внутренняя

¹ См. Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн., тт. XIV, XIX и XXIII.

² Въ годину голода, напр., дѣвушки продавались родителями въ неволю; на этотъ позоръ обратила уже вниманіе и художественная литература, татарская (Валеевъ) и русская (Маминъ-Сибирякъ).

дѣвушки. Какъ ни какъ, дѣвушки и парни сталкиваются въ деревнѣ — встрѣчи, знакомства, и завязывается первая любовь. Знакомятся парни и дѣвушки во время «ўме» — сосѣдской помощи въ страду, страдная пора — какъ бы праздникъ для молодежи.

Естественно, что сызмала вниманіе дѣвушки устремлено въ темную таинственную даль, ей хочется узнать суженаго, и она обращается къ гаданьямъ и играмъ. Въ играхъ находитъ она утѣшеніе, тамъ заключенъ для нея отвѣтъ на то, что ожидаетъ ее въ будущемъ. «Только этимъ и приходится намъ, бѣднымъ дѣвушкамъ, довольствоваться, *жить оз мечтъ* («мечтать ітмекъ»), — писала одна дѣвушка-мещерка.

Какъ только кончены полевые работы, нетерпѣливо поджидаютъ дѣвушки осени: осенью устраиваются игры. Взрослые (мужчины и женщины) уходятъ другъ къ другу въ гости. Дѣвушки остаются дома однѣ и сзываютъ къ себѣ подругъ, благо домъ пустой («аулак ѱ»). Бываетъ, что дѣвушки тащатъ и маленькихъ сестренокъ, которыя ввѣрены ихъ попеченію; тѣ смотрятъ, какъ играютъ старшія. Сходятся, конечно, только взрослые дѣвушки, отъ 16-ти, приблизительно, лѣтъ; парней нѣтъ. Заранѣе готовятъ угощеніе, пища эта — *тайная* («урын аш»), приготовлена безъ вѣдома родителей. Собираютъ между собой патурой — масло, мясо, муку и др. Собираютъ и деньги въ складчину — кто несетъ деньги, заработанные собственнымъ трудомъ, кто продаетъ изъ дому какія-нибудь свои вещи, — рукодѣлье, напимѣръ, — все это идетъ на сладости, пряники. Пьютъ сперва чай, ѣдятъ блины («қыймақ»), блинчики съ начинкой («қыстыбі») — съ картошкой, творогомъ, и т. д. Приносятъ дѣвушки и рукодѣлье, но до работы ли теперь. Начинаются игры; игры затягиваются до полуночи, — играютъ и въ избѣ, выходятъ и на улицу. Потомъ ложатся спать, но и во снѣ судьба тоже должна показать жениха¹.

Вотъ картина, рисующая жизнь татарской дѣвушки до войны.

І. Гаданье въ домѣ.

1. Гаданье на кольцахъ².

Садятся въ кругъ, на стульяхъ. Одна дѣвушка собираетъ у подругъ перстни или серьги; зажмуривъ глаза, она вынимаетъ по одному кольцу и выкрикиваетъ: «Такому-то парню!» Затѣмъ открываетъ глаза — всѣ смо-

¹ Кой-какія гаданія описаны уже въ художественной татарской литературѣ, ушедшей корнями въ народъ (М. Г. Исхаковымъ, Г. Ибрагимовымъ и др.).

² По-татарски: «джѳзѳк (или: «балдақ») салыш с ѳпау». «Гаданію на кольцахъ у крещеныхъ татаръ» посвящена специальная замѣтка С. М. Матвѣева (Извѣстія Общества Арх., Ист. и Этн., т. XXIII, вып. 1).

тять, чье кольцо кому досталось. Чѣмъ чаще повторяется совпаденіе именъ, тѣмъ бѣльшая царить увѣренность, что такъ и будетъ, и тѣ, на кого гадаютъ, поженятся.

Елабужскій у., Вятской губ.

Первый вариантъ.

Высылаютъ дѣвушку изъ комнаты и, поднимая перстень, спрашиваютъ у нея: Кому? Та отвѣчаетъ. Такъ гадаютъ до трехъ разъ.

Второй вариантъ.

Садятся вокругъ стола. На столѣ ставятъ ведро съ водой и опускаютъ туда кольца. Кто-нибудь вынимаетъ кольцо и говоритъ при этомъ: «Абдуллаху!». Если совпаденіе происходитъ три раза, значитъ, «волосы тѣхъ, на кого гадаютъ, связаны»¹, т. е. они суждены другъ другу.

Сарапульскій у., Вятской губ.

2. Бросаніе иголокъ, или кто за кого?²

Берутъ въ руки по двѣ тонкихъ иглки и трутъ ихъ острія. Когда иглки нагрѣются, опускаютъ ихъ въ блюдечко, наполненное водой. Иголки держатся на поверхности воды; каждая иглка олицетворяетъ опредѣленнаго парня или дѣвушку, и если какая пара иголокъ соединится остріями, значитъ, молодые люди поженятся.

Сарапульскій у., Вятской губ.

3. [Какъ звать моего жениха?]³

Наливаютъ въ блюдечко воды, а по краямъ прилѣпляютъ бумажки, которыхъ выписываютъ мужскія имена. Затѣмъ дѣвушка беретъ спичку и пускаетъ ее въ воду, произнося чье-либо женское имя, напримѣръ, Эсма. Спичка гдѣ-нибудь остановится, тогда смотрятъ, куда обращена головка спички, — это и есть женихъ.

Уфимскій у.⁴

¹ По-татарски: «чечлери бејленгән».

² По-татарски: «ініе салыш ујнау», «кімгә кім?»

³ Названія, поставленныя въ прямые скобки, сочинены мною.

⁴ Это гаданье распространено и между мещеряками Самарской губ.

4. [Какой будетъ у меня женихъ?]

Берутъ на поднось три-четыре блюда и подъ нихъ подкладываютъ примѣрно, — хлѣбъ, серебро, шерсть, вату, уголь. Одна дѣвушка закрываетъ глаза, другая поднимаетъ какое-нибудь блюдечко и спрашиваетъ: Кому это? Та отвѣчаетъ.

Хлѣбъ — богатый женихъ; серебро — молодой; шерсть — старый; уголь — скупой или курящій¹.

Въ *Чиммахъ* (*Уфимской губ.*) подъ одно блюдечко подкладываютъ перстень («балда»), что указываетъ также на молодого жениха.

Въ *Бирскомъ у.* (*Уфимской губ.*) берутъ четыре блюда, подъ которыя кладутъ — паклю (чубыкъ) — старикъ; кольцо — молодой; хлѣбъ — богатый, бумагу — курящій.

Вариантъ.

Высылаютъ изъ комнаты трехъ дѣвушекъ, а блюда тѣмъ временемъ перемѣщаютъ. Дѣвушки возвращаются и выбираютъ себѣ какое-нибудь блюдо. Такъ гадаютъ до трехъ разъ.

Гор. Уфа.

Эта игра распространена всюду. Дѣвушки со страхомъ поднимаютъ чашки или блюда, подъ которыми скрывается ихъ судьба. Если, напр., гаданье предвѣщаетъ мужа-старика, — волнуются и беспокоятся. Во всякомъ случаѣ, гаданье разсѣиваетъ сомнѣнія и недоумѣнія. «Теперь я знаю свою судьбу, и весело живу», — писала одна молоденькая дѣвушка, довольная гаданьемъ; «у меня безпокойно забилося сердце», — писала другая, которой выпалъ старый женихъ.

5. [Гаданье съ курицей].

Въ избу вносятъ курицу, а передъ ней на полу ставятъ воду, хлѣбъ, зеркало. Если курица сперва начнетъ пить воду, — значитъ, женихъ — пьяница: зерна станутъ клевать — богатый. А если начнетъ чиститься и прихорашиваться передъ зеркаломъ, — женихъ будетъ опрятный, хорошо

¹ Куренье табаку, конечно, «новшество», и не одобряется. И во снѣ видѣть табакъ предвѣщаетъ печаль.

будетъ одѣваться. Если курица опуститъ голову внизъ, — значитъ, женихъ будетъ грустный и будетъ пѣть унылыя пѣсни ¹.

Чишмы, Уфимской губ.

6. [Гаданье съ зеркаломъ].

Ставятъ ночью въ пустомъ домѣ два зеркала, одно противъ другого, между ними — свѣчи. Долго смотритъ дѣвушка въ зеркало; наконецъ, по плечу кто-то ударяетъ ее, — это и есть женихъ. Необходимо однако сохранять спокойствіе; если испугаться, — умрешь. Иногда при этомъ идетъ голосъ (жениха) отъ печи ².

Разсказываютъ, однажды парень захотѣлъ подшутить, онъ спрятался за печкой и закричалъ: «Тебѣ будетъ несчастье!» Дѣвушка перепугалась на-смерть.

Гор. Уфа.

7. [Любить, не любить].

Садятся на полу, а по серединѣ разстилаютъ «миндерь». Одна дѣвушка уткнется въ «миндерь» головой, ей гадающая на голову кладетъ руки, а кто-нибудь, покруживъ въ воздухѣ руку, опускаетъ ее на дѣвушку и распѣваетъ:

«Алым салыѣм, (Гүл Джамалга) кіеу саѣлыѣм; бал салмаган чілеккә балауз қаѣдан јабышқан? (Гүл Джамаг) бірлән фалан джігіт қаѣан кілн табышқан?».

(Переводъ: Возьму я и опущу, выберу я жениха (для Гюль-Джамалъ); какъ попали соты въ ведро, куда не клали меда; откуда нашли другъ друга (Гюль-Джамалъ) и такой-то—имя рекъ—парень?).

Если дѣвушка (лежащая) угадаетъ, назвавъ точно имя дѣвушки, — значитъ, они не любятъ другъ друга ³.

II. Гаданье на дворѣ.

1. У скирда.

Идутъ на дворъ и вытаскиваютъ изъ скирда колосокъ. Вернувшись домой, смотрятъ: если колосъ тучный, — значитъ, хорошая будетъ жизнь, домъ — полная чаша; если колосъ пустой, — стало-быть, женихъ — бѣдный.

Уфимской губ.

¹ Впрочемъ, и вообще-то пѣсни татарскія, — какъ замѣтилъ и поэтъ Тукаевъ, — унылы.

² Печь, по вѣрованію татаръ, — мѣстопребываніе нечистой силы.

³ Примѣта, основанная, вѣроятно, на передавшемся отъ родителей взглядѣ: если парень не нравится, — значитъ, онъ любитъ, и жизнь будетъ счастливая.

2. Въ овчарнѣ.

Идутъ вечеромъ въ овчарню, хватаютъ наугадъ барана и привязываютъ мочалу или тряпочку; утромъ смотрятъ: какой баранъ, старый или молодой, — такой и женихъ¹.

Уфимской губ.

3. Подъ окнами.

Идутъ подъ окна и подслушиваютъ: если въ домѣ — споръ, значитъ, и жизнь будетъ тяжелая.

Гурьево (заводъ Акчуриныхъ), Симбирской губ.

Если разговоръ — тихій, хорошій, это — знакъ хорошій, и наоборотъ.

Уфимской губ.

4. На землѣ или на снѣгу.

Идутъ ночью на дворъ и валяются по землѣ (или въ снѣгу), какъ лошади; утромъ смотрятъ: если на землѣ виденъ слѣдъ отъ кнута, — значить, мужъ будетъ злой; если ничего не видно, — хорошій знакъ.

Чишмы, Уфимской губ.

III. Сонъ.

1. Женихъ приходитъ поить лошадь.

Свертываютъ бумажки и кладутъ ихъ въ видѣ колодезнаго сруба. Потомъ произносятъ «нехорошія слова» (заклинаніе?), прячутъ бумажки подъ подушку и ложатся спать съ распущенными волосами, безъ молитвы, т. е. не произнося имени Божьяго². Во снѣ приходитъ джиннъ и, принявъ образъ жениха, поить лошадь.

Чишмы, Уфимской губ.

2. Женихъ подноситъ воду.

Смѣшиваютъ золу съ солью; замѣсивъ, кладутъ въ печь и выпеченныя лепешки (величиной съ горошинку) ѣдятъ, усѣвшись на порогѣ. Потомъ ложатся спать, отъ жажды губы сохнутъ, — во снѣ женихъ подноситъ воду.

Уфимской губ.

¹ Это гаданье извѣстно и черемисамъ: *Живая Старина* 1916, вып. II—III, стр. 230 (Рефератъ труда финскаго ученаго Гольмберга); см. также: Д. Зеленинъ. Описаніе рукописей Ученаго Архива Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ второй (II. 1915), стр. 490 (Рукопись 1848 года А. Артемьева—о черемисахъ Казанской губ.).

² Такимъ путемъ облегчается вмѣшательство нечистой силы, ср. у меня пословицу 1243-ю: Образцы османскаго народнаго творчества. М. 1916, стр. 57.

3. [Витье мочалы].

Три-четыре дѣвушки садятся на порогѣ, остальные располагаются около нихъ; тѣ, что сидятъ на порогѣ, молча начинаютъ вить мочалу (длинной съ локоть). Потомъ кладутъ мочалу подъ подушку и ложатся спать. Во снѣ открывается будущее.

Одна ученица (19-ти лѣтъ) писала: «Я увидала во снѣ красивый садъ; я иду, люблюсь цвѣточками; навстрѣчу мнѣ—человѣкъ; проходя мимо меня, онъ улыбнулся. Думаю, что сонъ предвѣщаетъ мнѣ хорошее будущее; съ того дня я живу радостная».

(Бирскій у.?) Уфимской губ.

Зуша, 28-го августа 1918 г.
